

**ИЗ ДНЕВНИКА
ГЕННАДИЯ
ТИСЛЕНКОВА**

ИЗ ДНЕВНИКА ГЕННАДИЯ ТИСЛЕНКОВА

После произошедшей трагедии в г. Ленске 27 октября 1978 года. Геннадий оказался на грани жизни и смерти. Его молодой организм, боролся за жизнь и произошло чудо- он выжил. Каждый день он надеясь терпеливо ждал, что к нему придет жена, вера в чудо придавала ему силы бороться за жизнь... Позже Геннадий напишет в своем дневнике на больничной койке, вспоминая свои прожитые годы (31 ноября и 1 декабря). Все-таки странные люди, мы, больные. В трудные, минуты, особенно в минуты тяжелого недомогания, когда и жить-то не хочется, человеку присуще вспоминать. Он старается вспоминать только хорошее. Уж такова его природа.

Сегодня мы одни в комнатке на Чапаева(которую он называл в своих дневниках коморкой. За окном студеная якутская зима. Людмила сидит на койке и вяжет себе зеленый- джемпер. А я сижу за столом и пишу. А вот мы душевно мечтаем о своем будущем. У нас родится ребенок. Непременно сын. Я был в этом почему-то уверен. Мы отработаем в Ленске два года и поедем в гости к нашим старикам с внуком. Боже, как они были бы рады. Тогда еще был жив мой отец. Тогда я не знал, что ждет меня впереди.

А вот мы с Людмилой на проводах зимушки-зимы. День выдался морозный. Мы стояли в толпе и наблюдали сказочное карнавальное шествие. Потом мы ходили на главпочтамп греться, где Людмила отбила брату Сергею телеграмму, поздравляя его с днем рождения. На обратном пути мы купили курицу и четыре спицы шашлыка.

Весна. Снег уже сошел. Пригорки оцетинились молодой зеленью. Мы с Людмилой отправились в загородную прогулку. На берегу стремительной речки разожгли костер, пекли картошку, жарили на прутиках сало и мясо. Какой это был душевный день. Домой мы вернулись усталые, но довольные совершенной прогулкой. А вечером ходили в парк на танц -площадку.

А вот мы ходим по магазинам, подбираем для нашего будущего ребенка необходимое бельишко. День выдался сумрачный, с неба то и дело принимался сеяться дождичек. В магазине «Малыш» у Людмилы был какой-то непонятно счастливый вид. В этот миг она, наверное, впервые почувствовала себя по-настоящему матерью. Боже, как она привередливо осматривала цветастые ползунки, распашонки и прочие младенческие одежонки. Я украдкой наблюдал за выражением ее лица- сосредоточенным и озабоченным и в тоже, время будто освещенным изнутри каким-то тихим волнующе-радостным светом. Я был рад, что жене приятно делать подобные покупки, старался не вмешиваться, чтобы не затронуть ее женское самолюбие.

А потом, нагруженные покупками, мы вернулись домой в нашу комнату на Чапаева. Людмила долго перебирала ползунки, распашонки

и простынки, а я тайком любовался ею.

1 ноября 1978 года. За окном еще не светает, а я уже давно не сплю. Впрочем, за всю минувшую ночь я, пожалуй, ни разу не сомкнул глаза. Тело томилось в жару. Грудь раздирает кашель. От боли мутилось в голове.

Мрачные-премрачные мысли приходили ко мне. Они лезли ко мне, будто черные черти из могильного склепа. Почему-то вспомнилась песня:

« Зачеркнуть бы всю жизнь

Да по новой начать,

Полететь к ненаглядной певунье своей.

Да вот только ли вспомнит моя Родина -мать

Одного из пропавших своих сыновей»

Да! Жизнь не баловала меня. Она всегда держала меня в черном теле. Не знаю, может, в этом я сам виноват. По крайней мере до сих пор я считаю себя неудачником.

Перед глазами, будто кинокадры, плывут воспоминания Боготол. Босоное детство. Наивная любовь к братьям нашим меньшим-птицам и животным. Потом школа. Неосознанная тяга к перу. Первые стихи, наивные, восторженные, полные небесной голубизны, солнца, зелени и ликующего птичьего гомона. Армия. Становление мужчины. Дембель. Приход в журналистику. Более зрелое отношение к поэтической работе. Познание жизни.

И вот мою судьбу понесли в неведомую даль синие крылья романтики. Я оказался на Дальнем Востоке. Хабаровск, где я провел месяц, не имея крова и средств к сосуществованию. Тумнинская геологосъемочная партия. Теплоход «Семен Дежнев» уносит меня вниз по Амуру за Комсомольск в неизвестный мне доселе Мариинск-Рейд. А потом горная страна Сихотэ-Алинь. Голубоглазая геологиня Валюшка, искренне полюбившая меня. Полгода кочевой жизни с геологами по горам и долинам с рюкзаком за плечами. Далее . Озеро Большое Кизи. Кизинский леспромхоз. Это был 1975 год. И вот, наконец, возвращение в отчий веси. Родимый дом. Потом снова подул ветер странствий. Я уезжаю с шабашниками в Чульские гари Тюхтетского района, строю по-договору двухквартирный дом под ключ. Это уже 1976 год. Кажется, мне надоело скитаться по свету. Возвращаюсь в Боготол. Меня тянет к газетной работе. Еду в соседний Большеулуйский район, устраиваюсь в газету «Красная Звезда». Здесь я и повстречал свою призрачную судьбу- Людмилу Семеняк, которая стала моей женой 7 ноября 1977 года. Мы уезжаем с ней в Новокузнецк к моей матери, где я к тому времени устроился работать в многотиражную газету «Металлург Запсиба». Прожили мы там чуть больше двух месяцев. И вот по настоянию жены против своей воли я, наконец попадаю в Якутию, о которой раньше знал понаслышке. С этого периода и начались мои злключения. Ссоры с женой по пустякам. Вмешательства ее родни в наши супружеские дела. Я потерял интерес ко всему. Сперва лишился места работы в редакции «Ленский коммунист». (так как был принят временно на

место сотрудницы ушедшей в декретный отпуск, свободных мест в то время в редакции не было). Переводом ушел работать грузчиком в речпорт. Беды следовали за мной по пятам. Неожиданно 15 июля умер мой отец. Я не смог вылететь на похороны. Была нелетная погода. Отношения с женой ожесточились. Ее родня Сергеевы совсем измотали мне нервы. Я бросаю все и вся, сажусь на самолет и улетаю в Красноярск, Это было 16 августа 1978 года. Дома пробыл ровно месяц. А 16 сентября по зову сердца вернулся в Ленск (моя мама настояла, чтобы я помирился с женой, но она на контакт не шла. Жила у сестры которая, впоследствии скрыла от меня рождение сына). С этого дня круг моих злоключений окончательно замкнулся. Целый месяц я веду странный образ жизни, полный тоски, отчаяния и безысходности. Не имея ни денег, ни крыши над головой, ночую и питаюсь, где попало и как попало. Ночую в аэропорту, в зале ожидания которого судьба сводит меня с Карноухим и Эсперанто. снова решил остаться в Ленске, хотя билет на самолет уже был куплен. Я узнаю, что у меня родился сын. Не задумываясь, я сдаю билет обратно в кассу Агенства. Радостный, я бежал на Чапаева. Но Людмила оказалась жестокой. Она долго не открывала дверь, отказываясь показать мне ребенка. Это сильно травмировало мое сердце. И я решил больше не ходить сюда. Видимо, я не испытал истинных отцовских чувств, ибо с честью сдержал слово. И вот вместе с Карнаухим и Эсперанто, с которыми меня свела судьба злодейка, я работаю плотником в СМУ-2 на четвертом аварийном объекте, что за пивбаром «Бриг» Живем в вагончике, где условия только для мышей. Рядом «голубое общество мужчин», прожигающее свои дни жизни. И вот роковой вечер 27 октября. Я получаю с спину тяжелые ножевые ранения. Меня увозят в хирургическое отделение, истекающего кровью. Четыре с половиной часа длилась операция. Моим ангелом-хранителем оказался хирург Заливин. Он, попросту говоря, вытащил меня из могилы.

Таким образом, я оказался на больничной койке. И вот сейчас лежу, весь в жару, мучаясь от боли и не знаю, чем все это кончится.

За окном брезжит медленно-примедленно. До чего же тегучий рассвет, будто слюна, свисающая с языка голодного волка. Или, может, я утратил чувство времени.

Промелькнувшая перед глазами моя жизнь показалась никчемной. Мало в ней было светлых и радостных дней. А вот горьких и черных, хоть отбавляй. Неужели я, действительно, родился под несчастливой звездой! Если так, то еще какие испытания выпадут на мою голову? Это, пожалуй, одному Богу известно.

Ничего путного я еще не успел сделать в жизни. А ведь как я мечтал на заре своей юности жить ярко и красиво, оставить на земле достойный след. Увы, это были розовые мальчишеские мечты, наивные, возвышенные и благородные.

Что же со мной случилось? Что?

К чему я пришел в конце концов. Пока моя итоговая житейская черта-больничная койка. Я беспомощен, как ребенок. Не могу

шевеливать ни рукой, ни ногой. Страдания мои, как физические, так и душевные, невыносимы.

И почему я такой бедолага? Вроде никогда не был подлецом. Старался жить честно, ни кривить душой.

К сожалению, в жизни не всегда понимают, кто плохой, а кто хороший. Она, не разбираясь, бьет с плеча первого попавшего, особенно тех, кто по-наивности своей не ожидает подвоха. На долю таких выпадает столько страданий и невзгод, которых хватило бы многим из смертных.

Интересно, о какой истине я сегодня додумаюсь? Уж что-то слишком мрачная философия. Впрочем, оно и немудрено: еще никогда я не был в столь ужасном положении.

День начался с обхода.

Меня снова дотошно осматривали, ощупывали и обслушивали. Судя по лицам врачей, я еще подаю малые надежды на скорое выздоровление. Хирург Заливин откровеннее всех и за это мне нравится. И вообще я с симпатией отношусь к людям, которые не любят кривить душой.

Скучно и тошно лежать одному в палате «смертников». Так здесь больные между собой называют третью палату, в которой сейчас нахожусь я.

Есть мне не дают. Подкармливают искусственно при помощи системы, которую я сразу же возненавидел. Кто испытал ее действие на нервы, тот правильно меня поймет.

Представьте себе. В вену вам вводится игла, к которой присоединена трубка, а трубка в свою очередь соединена со стеклянной колбой. Из этой колбы медленно, капля за каплей вытекает кристально бесцветная жидкость. Неприятно думать, что сия инородная жидкость попадает в твой организм, причем непосредственно в венозную кровь.

В такое время минуты кажутся вечностью. Глядишь на эту чертову колбу и думаешь: «Когда же ты, проклятая, опустеешь».

Только что мне в вену подключили очередную систему, я закрываю глаза, стараюсь думать о чем-нибудь отвлеченном. Но это не удается. Я снова открываю глаза и с тоской смотрю на колбу. Жидкость в последней, кажется. Нисколечко не убавилась.

У меня такое ощущение, будто вену вытягивают руки. Сама же рука занемела, стала ватной.

Зашла пожилая медсестра, та самая, светленькая, которую я первой увидел возле себя 28 октября, когда пришел в сознание от наркоза.

Она оглядела систему и вдруг испуганно всплеснула руками:

-Ах ты, Боже мой! У тебя же, миленький игла из вены выскочила.

Она засуетилась около меня, убрав систему в сторону - я взглянул на руку и удивился. Она как-то неестественно распухла, будто ее накачали воздухом. Кажется вот-вот кожа не выдержит нагрузки изнутри и лопнет. Оказывается, когда все эти «глюкозы» из

системы проливаются в руку мимо вены, то быстро возникает опухоль, которая потом сопровождается зудящей болью.

Медсестра приложила к вене какую-то примочку, крепко перетянула бинтом.

- ну, ничего, миленький, ничего,- сказала она извиняющимся голосом.- Ты же у нас самый терпеливый.

Впрочем, врачи считают меня именно таким, а потому относятся с уважением. Я действительно, молча переношу все, что они со мной делают. Ибо понимаю : они борются за мою жизнь. Я должен не злиться, а благодарить их за это.

Мне уже сейчас все-равно: день ли за окном , ночь ли. Все-равно пока лежу без движения, прикованный к койке.

К вечеру мне неожиданно стало легко-прелегко. Впервые за все время я попытался сесть. После долгих усилий это мне удалось. Правда, в голове кружилось от слабости.

Немного посидев с закрытыми глазами, я сделал попытку встать на ноги. И это мне удалось. Держась за стену, я сделал несколько шагов. Ура! Получилось.

Где-то я читал, что не надо сдаваться недугам. Следует пересиливать себя и больше ходить. Теперь и я тайком от врачей буду это делать.

Я медленно обошел всю палату вдоль стен, вернулся к койке. На лбу выступила испарина. Дышу прерывисто, будто долго поднимался на крутую гору.

Как раз в это время в палату заглянула эта милая старушка, в очках, то есть медсестра, которая недавно подключала ко мне систему.

Она удивленно всплеснула руками ?

– Ай -ай, Тисленков! Ты уже ходишь?! Значит, доживешь до глубокой старости. Молодец! А сейчас ложись быстренько, пока хирург не заметил.

Она помогла мне лечь на спину. Сам я это навряд ли бы сделал, ибо брюшной пресс, будто отрафирован.

За окном окончательно свечерело. Опять мне ставили какие-то уколы, меряли температуру: 38 и 4. Последняя пока нехорошая. До сего дня ее пока не могут «сбить» никакие уколы. Почему я так подробно описываю свои больничные будни? Видимо, не только для памяти. Делаю я это скорее всего сознательно. Так надо понимать. Мне хочется сохранить все сегодняшние впечатления животрепещущими, такими, какие они есть. Когда-нибудь потом они здорово пригодятся для моих будущих книг.

Людмиле всего этого никогда не понять. Ведь она назвала мои дневники , «сплетниками», хотя ей так хотелось оставить их у себя. Однако она нисколечко не задумывалась над тем, что дневники для меня дороже любимой вещи.

Опять всю ночь не спал .Несколько раз по-тихонечку поднимался, ходил возле койки. Ложился на спину с величайшим трудом, держась руками за края панцерной сетки. При этом чуть ли не терял сознание от боли в

правом боку, думая, что разошлись швы.